

О. А. Гайлит*

Вести, пророчества, чудеса: К вопросу о религиозных сюжетах в слухах 1920–1930-х годов

Слухи как форма межличностного общения являются ценнейшим источником информации об общественном мнении, политических настроениях, отношении к власти и т. д., особенно в тех случаях, когда другие методы сбора информации затруднены. Это в полной мере относится к советскому обществу, где слух выполнял 2 основные функции. Во-первых, он содержал интересующую людей информацию и тем самым удовлетворял потребность в достоверных сведениях при их отсутствии, нехватке или в случаях недоверия к официальным данным. В начальный период становления Советского государства слухи не только восполняли недостаток информации (прежде всего в деревне), но и противостояли централизованно распространяемым со стороны официальных инстанций и пропагандистских организаций сведениям. Во-вторых, слух, представляя не собственную реплику рассказчика, а обобщенное высказывание третьих лиц, позволял выразить свое мнение, не акцентируя внимание на личности говорившего. Это имело существенное значение в условиях тотального идеологического контроля, осуществлявшегося в СССР.

Эти обстоятельства предопределили живучесть данной формы общения на протяжении всего советского периода. Бытование слухов в указанное время прослеживается не только через воспоминания современников (участников) процесса их циркуляции. Указание на распространение слухов, а также их пересказ присутствует в делопроизводственной документации советских и государственных органов (особенно местного уровня). Интересно, что значительный массив «рассказов» и «вестей» содержит ярко выраженные

* © Гайлит О. А., 2006

Оксана Александровна Гайлит, кандидат исторических наук, старший преподаватель Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского.

Работа выполнена при финансовой поддержке Совета по грантам Президента РФ, проект № МК-3113.2005.6; РГНФ, проект № 05-01-01516а.

религиозные мотивы и образы. Именно эти слухи и станут предметом настоящей статьи. Задача исследования — не только выявить наиболее характерные сюжеты слухов, но и определить социальные причины их существования и воспроизводства.

Как уже отмечалось выше, в большей степени слухи были характерны для деревни, где сильнее ощущался информационный голод. Долгое время именно слухи и толки оставались для сельского населения основным источником сведений о жизни страны и окружающего мира. Они представляли собой стихийный и непосредственный отклик крестьян на то или иное событие. Исследователи, изучающие распространение слухов в деревне в XVIII–XIX вв., выделили следующие наиболее типичные темы: эсхатологические слухи-пророчества, социальные слухи о милостивых царских указах, миграционные — о далеких землях, толки, проникнутые страхом перед рецидивом негативного прошлого.

Самая же распространенная тема слухов начиная с 1920-х гг. — война¹. По мнению А. В. Голубева, проанализировавшего военные слухи, любое событие этого периода, происходившее на международной арене и затрагивавшее СССР, а также многие внутренние мероприятия власти вплоть до самых обыденных воспринимались в обществе как признак надвигающейся войны². Главная причина военных тревог — политизация массового сознания, вызванная потрясениями начала XX в. Войны и революции, заставившие включиться в политическую жизнь страны тех, кто раньше ею не интересовался, постоянно формировали в массовом сознании «образы врагов». Формированию предчувствия войны, безусловно, способствовал внутригосударственный курс и характер проводимой властью политики. К концу 1920-х гг. страна превратилась в военный лагерь, все социально-экономические мероприятия облекались в форму массовых кампаний, носили наступательный и воинственный характер, а население было мобилизовано на выполнение задач социалистического строительства. О войне стали говорить как о чем-то неминуемом. Этому способствовала и советская пропаганда, активно эксплуатирувавшая тему войны.

Ощущение страха и безысходности формировало в крестьянском сознании образ жестокой, невиданной по размаху и количеству жертв войны. Так, например, в 1930 г. в нескольких сельсоветах Калачинского района Омского округа распространилось известие о том, что надвигающаяся война и сопутствующие ей болезни уничтожат все население Советского Союза за исключением детей³. Причина массовой гибели виделась в неправильном образе жизни людей: они забыли Бога, живут нынешним днем, не задумываясь о будущем, ведут постоянную вражду, власти выселяют крестьян, отбирают имущество, разоряют. В данном известии, безусловно, присутствуют традиционные христианские сюжеты Страшного Суда и неизбежного наказания за отступничество от веры.

Однако с войной связывались и надежды на лучшее. Так, в Карасукском районе Новосибирского округа среди крестьян, недовольных колхозным строительством, в 1920–1930-х гг. распространились слухи о скором приходе

китайских и английских войск, которые должны будут избавить крестьян от колхозов⁴. В слухах, бытовавших в конце 1930-х гг. в Тарском округе Омской обл., с будущей войной связывалось ожидание крушения советской власти, надежда на «другую, хорошую жизнь»⁵. В этом случае война является не проявлением «Божьего гнева», а актом возмездия за несправедливости и притеснения, чинимые в стране. Выбор в качестве потенциального противника Англии и Китая, как полагает Голубев, был вполне типичным для военных слухов указанного периода⁶. Интересно, что и после окончания Великой Отечественной войны идея о возможности нового военного конфликта продолжала присутствовать в разговорах рядовых граждан Советского государства⁷.

С ожиданием войны тесно связана другая тема — приметы приближающегося конца света. Ключевым сюжетом всех таких известий, как и слухов о войне, были мотивы Страшного Суда и наказания. Следует заметить, что эсхатологические настроения были одной из характерных черт отечественной культуры 1920–1930-х гг.⁸ Их порождали политическая и экономическая дестабилизация государства, слом традиционного, привычного порядка жизни. Захлестнувшее страну насилие в период революции и гражданской войны формировало в массовом сознании не только ощущение опасности и страха за свою жизнь, но и ожидание непременного наказания за несправедливый образ жизни. Кроме того, как уже указывалось выше, эсхатологические слухи были присущи русской деревне и в предшествующие столетия (этнографы указывают на активизацию таких слухов в конце XIX в.).

В 1920-х гг., по данным докладов уполномоченных губкомов и райкомов Сибирского края, весьма распространенным явлением были разговоры о гневе Господа и скором страшном наказании голодом и болезнями. В одном из таких докладов 1923 г. из Иркутской губ. сообщалось: «Значительный процент взрослого населения находит удовлетворение в душещипательных беседах о божественном наказании и передаче друг другу достоверных фактов о появлении женщины с коровьими ногами, пророчащих о грядущем голоде, эпидемии, смуте, о хождении под видом старицы чумы и прочее»⁹. В разговорах, зафиксированных в Алтайской губ., содержалось объяснение гнева Господа: «Господь наказывает за жадность нашу к милиенам [миллионам.— О. Г.]», «Будя, два года без креста походили. Бог и наказал!»¹⁰.

Представители местной власти, которые фиксировали подобные разговоры, отметили существенные изменения, происходившие в крестьянском сознании: «В крестьянской психике произошел определенный перелом. Он начинает восстанавливать то, что сам разрушил в 1919/20 гг. Крестьяне снова наполняют церкви, они снова идут к попу на поклон»¹¹. В обществе накопилась усталость от хаоса, вражды и борьбы, происходил возврат к мирной жизни, обыденным занятиям, традиционным ценностям.

Неотъемлемой частью крестьянской повседневности по-прежнему оставалась религия. Возвращаясь к земледелию, крестьянин возвращался и в лоно Церкви. «Молебствия о дожде идут по всем деревням. Целыми днями гудят колокола, целыми днями по полям звучат гнусавые голоса: “Заступница

Мати усердная”, за иконами тянутся сгорбившиеся старики и старухи, не слезавшие с печи лет по пять, тянется и молодежь — девицы и парни», — сообщалось с мест¹².

Распространение слухов о скором конце света во многом связано со значительным ростом сектантства и распространением христианских исповеданий протестантского толка. В 1920-х гг. под влиянием дискредитирующей православную Церковь кампании и в связи с внутрицерковной борьбой между «тихоновцами» и «обновленцами» наметилось заметное оживление сектантских организаций. Особенно отчетливо это прослеживается на территории Сибири, где их численность была значительной (на 1922–1923 гг. зафиксировано около 600 общин, в основном в Западной Сибири¹³). Организации протестантского толка (баптисты, евангельские христиане), адвентисты и другие акцентировали внимание не на богослужении, а на толковании Библии, зачастую в апокалиптическом смысле.

По мере усиления темпов советского строительства слухи все больше распространялись. Как отмечает Ш. Фицпатрик, в терминах Апокалипсиса российские крестьяне выражали свой страх и негодование по поводу коллективизации¹⁴. Колхозное строительство сопровождалось слухами о явлении антихриста в лице колхозных активистов, о страшных наказаниях, ожидающих членов колхозов (в одном случае, например, говорилось об огненном столбе, сжигающем колхозников¹⁵).

Особенно активно известия о конце света, судя по материалам архивов, начали распространяться на рубеже 1930–1940-х гг. — накануне и в начале Великой Отечественной войны. По данным, поступившим в Новосибирский областной совет Союза воинствующих безбожников, по всей области распространялись слухи-пугала о кончине мира, которые зачастую влекли за собой достаточно серьезные последствия. Так, например, в 1939 г. жители Пышкино-Троицкого района Новосибирской обл., напуганные близостью Страшного Суда и наказания, заставляли детей бросать школу и уходить из пионерских отрядов¹⁶. В 1941 г. жители села Тека отказались от лечения своих больных «трахомой» детей под влиянием слухов о том, что это наказание за земные грехи родителей и лечить такие болезни нельзя¹⁷.

Отождествление действий властей с приходом антихриста также весьма распространенный сюжет в разговорах эпохи 1930 — начала 1940-х гг. Интересно, что наиболее неуютной Богу считалась связь с государством посредством членства в общественных организациях. В 1941 г. в Новосибирске распространились слухи о возможности спасения от Страшного Суда, если «порвать всяческую связь с властью от антихриста», уничтожив паспорта и документы, подтверждающие членство в общественных организациях¹⁸. Люди, попавшие под влияние таких слухов, рвали свои документы и демонстративно несли их в милицию. В это же время в одном из районов области телефонистка завода распространяла рассказ о том, что к ней приходил Христос и требовал, чтобы «рабы Божьи не вступали ни в какие общественные организации», а имеющие членские книжки должны были их уничтожить, как противные Богу¹⁹.

Страх перед массовыми общественными организациями продолжал существовать и в послевоенный период. В 1963 г. на заседании бюро Новосибирского обкома КПСС обсуждался факт уничтожения комсомольского билета работницы швейно-обувной фабрики г. Татарска ее верующими родственниками²⁰. Объяснить этот страх отчасти можно периодическими репрессиями, которые обрушивались на партийные, комсомольские и прочие государственно-партийные структуры. Вот как характеризовали чистки советского аппарата жители Пермского округа: «Советская власть сначала высосет каждого, а потом выбрасывает, как выжатый лимон. Вот теперь нарочно проводят чистку, чтобы ошельмовать тех, кого им нужно. Ошельмовать же человека нужно для того, чтобы потом не пришлось много тратить на пенсии и другие виды помощи»²¹.

Страх был одной из важнейших психологических характеристик тогдашнего общества. Наряду со страхами войны и мучительной смерти (в слухах война и наступление конца света сопровождалось, как правило, неурожаем, голодом и болезнями) бытовали и страхи перемен. Например, страх перемен к худшему порождали известия о смерти вождей. Смерть В. И. Ленина в 1924 г. спровоцировала слухи о скорой интервенции, возможности реставрации монархии и введения военного положения. Возникали опасения ужесточения экономической политики, которые проявлялись в изъятии вкладов из сберегательных касс²². Смерть И. В. Сталина в 1953 г. тоже вызвала у части общества ощущение опасности и растерянности. По словам жительницы села Новаягодное Омской обл. (1924 г. р.), известие о смерти Сталина сопровождалось слухами о новой войне.

Эсхатологические слухи и вести, как правило, приобретали форму разного рода пророчеств и видений. Интересны воспоминания современных сельчан о бытовавших накануне крупных событий пророчествах. Например, упомянутая выше женщина из села Новаягодного отметила, что перед Великой Отечественной войной «старики говорили: будет весь мир железной проволокой обтянут, будут птицы в железных юбках, сыновья отцов убивать будут». Воспоминание о похожем пророчестве было зафиксировано в Псковской обл. в 1995 г.: «Будут летать птицы железные, железными клювами клевать... будет брат брата убивать, мать сына... и отец сына, и сын отца»²³. В этих пророчествах можно разглядеть, с одной стороны, реминисценции апокалиптических идей (преступление против родителей — один из признаков приближения конца света), с другой — страх перед техническим прогрессом (кстати, сравнение аэропланов с птицей достаточно распространенный сюжет в 1920–1930-х гг.²⁴). И, наконец, образ земного шара, обтянутого проволокой, напоминает сюжет с агитационного плаката. Вполне возможно, что воспроизведенные нашим респондентом образы представляют собой наслоение воспоминаний или впечатлений различных эпох, но вместе с тем они красочно иллюстрируют изменения, происшедшие в мировосприятии сельчан. Традиционные религиозные доминанты (нравственно-православные и мифологические) смешиваются с образами советской действительности, навязанными пропагандой.

Разного рода предсказания и предостережения содержатся в «чудесах», бытовавших в указанный период. Например, в 1930 г. в Омском округе зафиксирована история о младенце, родившемся в семье коммуниста, который на 3-й день после рождения заговорил и потребовал себя крестить²⁵. Во время крещения ребенок превращался попеременно в чурку, рыбу и белый хлеб, а после погружения в купель вновь стал младенцем. Свои превращения младенец пояснил следующим образом: если бы окрестили его чуркой — весь народ превратился бы в руках советской власти в такие же чурки; если бы окрестили рыбой, то народ в Советском Союзе мучился бы как рыба, выброшенная на знойный берег; ну а поскольку его окрестили хлебом — быть хорошему урожаю. Однако, по мнению младенца, богатому урожаю не суждено быть убранным, поскольку страну ожидает жестокая и кровопролитная война. Похожая история с чудо-младенцем зафиксирована в 1940 г. и в одном из сел Новосибирской обл.²⁶ Местные жители сообщали, что у одной женщины на 2-й день после рождения заговорил младенец, который попросил испечь ему блинов. На вопрос матери, что за чудо случилось, он поведал о том, что настоящее чудо произойдет в 1941 г. История тоже, вероятно, предвещала будущую войну. Присутствие образа ребенка в «чудесах», скорее всего, восходит к мифологическим представлениям о детях как о посланцах иного мира, с одной стороны, и как о «даре Божьем» — с другой²⁷.

Широкое распространение в Новосибирской обл. в 1940–1941 гг. получили «чудеса» о «серебряном (в некоторых случаях — золотом) дожде» и «кровоточащей половице». Согласно слухам о «серебряном дожде», в некоторых местностях с неба сыпались монеты с изображением всадника, что в одном случае свидетельствовало о «благодати Всевышнего за признание властями праздника Воскресения» (речь, видимо, идет об отмене в 1940 г. непрерывной рабочей недели и восстановлении воскресенья как выходного дня), а в другом — предвещало конец света²⁸. Известие о выпавшей из половицы крови (в другом случае — о кровавом фонтане, который не унять) в доме на окраине Новосибирска сопровождали рассказы о том, что Господь кровью плачет за людские грехи, за забвение Его заветов и непосещение храмов²⁹. Таким образом, знамения, пророчества и чудеса словно напоминали людям о присутствии Бога, о Его власти над ними и Высшем суде.

Как правило, и исследователи, и участники процесса циркуляции слухов связывают их распространение с теми, кто находится в дороге. По мнению Т. Б. Щепанской, передача слухов была неотъемлемой составляющей статуса пришельца, что подкреплялось общими ожиданиями, обращенными к путнику. Распространителями информации могли быть не только «Божьи странники» — убогие, нищие, богомольцы, — но и просто прохожие люди. В обозначенный нами период также присутствует связь распространителя вестей и слухов с дорогой. Наряду с «сектантскими проповедниками», которые часто под видом страховых агентов ходили по квартирам верующих, «церковными активистами», работавшими на советских предприятиях и в организациях, в советских документах фиксируются «попы-передвижки»,

ходившие по деревням «кликуши» и «старцы». Вероятно, можно констатировать сохранение отношения к дороге как особому мифологическому пространству и к путникам как символическим фигурам, стоящим за рамками обычных коммуникативных норм.

В послереволюционном российском обществе эхо социального взрыва отозвалось волнами слухов и толков. Являясь симптомом и продуктом разлома устойчивого общества, слухи, с одной стороны, указывали на утрату обществом привычных смыслов, а с другой — стремились заполнить возникшие смысловые пустоты. Они выступали как адаптивное устройство переходной эпохи. И если слух выступал инструментом адаптации, то ее механизмом стали религиозные представления.

Присутствие религиозных мотивов и образов в слухах означало интерпретацию новой (выходящей за рамки обыденности) жизненной ситуации в терминах традиционной идеологии. Л. Г. Ионин назвал это механизмом повседневности³⁰. Разного рода предсказания, чудеса, пророчества и т. д. были призваны, ссылаясь на прошлый опыт, интерпретировать новые жизненные ситуации, сделать их понятными и закономерными.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См., например: *Буганов А. В., Громько М. М.* О воззрениях русского народа. М., 2000; *Побережников И. В.* Общественные настроения в уральской деревне XVIII–XIX вв.: Опыт классификации слухов // *Уральский исторический вестник*. 1995. № 2. С. 58–73; *Щепанская Т. Б.* Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв. М., 2003.
- ² *Голубев А. В.* Война и мир как фактор городской повседневности 1920-х годов // XVII Уральские Бирюковские чтения: Сб. науч. и научно-популярных статей. Вып. 4: Город как феномен культуры. Ч. 2. Челябинск, 2006. С. 302–303.
- ³ Центр документации новейшей истории Омской области (далее — ЦДНИ ОО), ф. 425, оп. 1, д. 287, л. 19.
- ⁴ Государственный архив Новосибирской области (далее — ГА НО), ф. 52, оп. 1, д. 26, л. 3, 90.
- ⁵ ЦДНИ ОО, ф. 940, оп. 4, д. 13, л. 5.
- ⁶ *Голубев А. В.* Указ. соч. С. 303.
- ⁷ *Зубкова Е. Ю.* Мир мнений советского человека. 1945–1948 гг.: По материалам ЦК ВКП(б) // *Отечественная история*. 1998. № 3. С. 25–39.
- ⁸ См., например: *Панченко А. А.* Магические письма // *Современный городской фольклор: 2-я половина XX в.*: Сб. М., 2003. С. 627.
- ⁹ ГА НО, ф. 4, оп. 5, д. 372, л. 43.
- ¹⁰ Там же, д. 388, л. 7.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Там же.
- ¹³ ГА НО, ф. 1, оп. 2. Д. 306. Л. 4–5.
- ¹⁴ *Фицпатрик Ш.* Сталинские крестьяне: Социальная история советской России в 30-е годы: Деревня. М., 2001. С. 58–60.

- ¹⁵ Тобольский филиал Государственного архива Тюменской области (далее — ТФГА ТО), ф. 709, оп. 1, д. 8, л. 71.
- ¹⁶ ГА НО, ф. 4, оп. 5, д. 321, л. 145.
- ¹⁷ Там же, л. 51.
- ¹⁸ Там же, л. 39–39 об.
- ¹⁹ Там же, л. 137 об.
- ²⁰ ГА НО, ф. 4⁶, оп. 1, д. 57, л. 20.
- ²¹ ТФГА ТО, ф. 709, оп. 1, д. 8, л. 71.
- ²² Голос народа: Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг. М., 1997. С. 191.
- ²³ *Щепанская Т. Б.* Указ. соч. С. 456.
- ²⁴ См., например: *Фицпатрик Ш.* Указ. соч. С. 60.
- ²⁵ ЦДНИ ОО, ф. 425, оп. 1, д. 287, л. 19.
- ²⁶ ГА НО, ф. 4, оп. 5, д. 321, л. 137.
- ²⁷ См., например: *Кабакова Г. И.* О поскребышах, мизинцах и прочих маменькиных сынках // Живая старина. 1994. № 4. С. 34–36; *Науменко Г. М.* Этнография детства. М., 1998.
- ²⁸ ГА НО, ф. 4, оп. 5, д. 321, л. 60, 137.
- ²⁹ Там же, л. 137, 115–116.
- ³⁰ *Ионин Л. Г.* Социология культуры: Путь в новое тысячелетие. М., 2000. С. 57–58.